

Формы культурного ресайклинга в современной России:
тенденции и интерпретации
(Хроника семинара)

20 ноября 2019 в Институте русской литературы Российской академии наук в рамках исследовательского проекта «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990 – 2010-е годы)» Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований прошел коллективный семинар «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интерпретации».

Семинар открылся приветственным словом Л.Д. Бугаевой для участников и гостей первого заседания исследовательского коллектива «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990 – 2010-е годы)». После чего продолжился теоретическим докладом «“Культурный ресайклинг”: к истории понятия» руководителя проекта В.Ю. Вьюгина (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург). Докладчик остановился на самом первом этапе становления термина, проследив его историю с 1960-х до конца 1990 годов. По словам докладчика, в это время новое слово симультанно апроприируется представителями самых разных областей гуманитаристики, анализ его семантики скуп, заметных исследований, где оно вынесено в заглавие очень мало, систематических попыток построить его концепцию единицы. Для второго этапа, с конца 1990-х до нашего времени, напротив, характерно регулярное появление объемных работ, где термину-метафоре отведена роль титульного. Тем не менее теорий, объясняющих явление, по-прежнему немного, причем в большинстве случаев «культурный ресайклинг» каждый раз как будто изобретается заново, без оглядки на предшествующий опыт. Между тем, несмотря на всю свою хаотичность, именно в 1960-е — 1990-е годы благодаря усилиям как академического, так и «артистического» сообщества, возникли основные интерпретационные матрицы и сформировалась его противоречивая аксиология. Среди последних В.Ю. Вьюгин особенно выделил оформившееся в середине 1970-х годов и используемое до сих пор понимание термина «культурный ресайклинг», согласно которому «оборот» ценностей в рамках конкретной культуры разделяется на три фазы: вначале некоторая «ценность», будь то материальная, будь то символическая, существует в центре общественного внимания, затем она вытесняется на периферию, обретая статус «культурного мусора», а через некоторое время, претерпевая различного рода трансформации, вновь входит в разряд востребованных. При этом время забвения задним числом очень часто осознается как потерянное, дисгармоничное. В ходе своего выступления В.Ю. Вьюгин предложил вариант эмблемы «культурного ресайклинга», несколько модифицировав известный логотип Гэри Андерсона (Gary Anderson), созданный в 1970 году: три широкие стрелки, свернутые наподобие ленты Мебиуса и формирующие треугольник, он дополнил изображением лиры Аполлона, помещенной между стрелками в самом центре изображения.

Среди уточняющих вопросов из зала был вопрос С.Г. Маслинской об агентах ресайклинга, заданный не столько самому докладчику, сколько авторам тех исследовательских текстов,

о которых шла речь в докладе. С.Г. Маслинская поинтересовалась, уделяют ли внимание теоретики культурного ресайклинга фигурам тех, кто решает, что является мусором, а что нет, только ли это элиты, берущие не символически нулевой материал, а материал из другой культурной системы. Например, романтики, которые включили фольклор в литературный репертуар, использовали народную балладу, которая не находилась в мусоре, а в другой культурной системе. Отвечая на этот вопрос, В.Ю. Вьюгин привел конкретные примеры и показал, что агентами ресайклинга являются совершенно разные люди, а не только элиты, именно поэтому большинство исследований о ресайклинге – кейсовые, и в них рассматривается самый разнообразный материал.

Л.Д. Бугаева (СПбГУ, Санкт-Петербург) в своем докладе «Советское прошлое на постсоветском экране» обратилась к теме ресайклинга в современных российских сериалах, действие которых происходит в тот или иной период советской истории. По мнению Л.Д. Бугаевой, аутентичные репрезентации исторической (советской) реальности на экране, обилие предметов советского времени расшатывают границу между фактуальным и фикциональным и являются мощным средством манипуляции памятью и эмоциональными реакциями зрителя. Претендующие на верность истории репрезентации советской жизни не только пробуждают воспоминания, но и создают их, в том числе у тех, кто по той или иной причине оказался лишенным советского опыта. Л.Д. Бугаева попыталась разобраться в том, как это происходит, какие цели преследует непрерывный ресайклинг советской темы в постсоветском пространстве. Докладчица предположила, что обращение к прошлому – не всегда ностальгия, в ряде случаев – это взгляд в будущее или, вернее, конструирование будущего через прошлое. Зритель, вовлеченный институциональной практикой в игру “make-believe”, начинает верить, что не только представленные на экране события имели место в действительности, но и что источник информации об этих событиях – достоверный. По словам Л.Д. Бугаевой, в зрительском сознании создается историческая «картинка», которая вытесняет существующую или занимает «пустующее место», а неприятие неизбежности определенных трагических моментов истории, как ни парадоксально, способствует нахождению альтернативных возможностей решения проблемных ситуаций и конфликтов в настоящем и в будущем.

После доклада возникла дискуссия по поводу того, укладывается ли проанализированный материал в понятие ностальгии или нет и том, как именно происходит конструирование будущего в описанных телесериалах. Л.Д. Бугаева в своем ответе убедительно доказала, что через ностальгию или даже конструирование желания ностальгировать можно определить только те сериалы, где время действия относится к 1970-80-м годам, и в крайнем случае, к 1960-м, тогда как, например, криминальные сюжеты сериалов «Мурка» или «Гурзуф» – совершенно не укладывается в ностальгические границы. Что касается механизмов конструирования будущего, то исследовательница видит их, прежде всего, в демонстрации исторических персон и политических деятелей как людей, имеющих страдающие и любящие тела. Такой взгляд на историю и политику формирует у зрителей будущую стратегию восприятия публичной фигуры как человека, а связанных с этой фигурой драматических событий – как поступков измельчавших греческие боги.

Доклад «Старые песни о главном»: альтернативная антология советской эстрады» Д.А. Журковой (ГИИ, Москва) посвящен рассмотрению телевизионного проекта «Старые песни о главном» (ОРТ, 1995—2000) в свете теории культурного ресайклинга. Докладчица уделила основное внимание изменению музыкальных параметров и смысловых кодов советской эстрады в процессе их ре-интерпретации современными поп-артистами. В-первых, исследовательница отметила, что выбор шлягеров советской эстрады для

«переработки» происходил по принципу преобладания в них лирического начала и с пристальным вниманием к хитам зарубежной эстрады. Тем самым из истории отечественной популярной музыки оказался полностью изъят массивный пласт песен, связанных с мобилизационной, официально-пропагандистской риторикой, и к третьему выпуску программы советская эстрада звучала максимально не по-советски. Во-вторых, Д.А. Журкова, сопоставив вокальные данные советских и современных популярных певцов, пришла к выводу, что новым поп-исполнителям не хватало глубины и насыщенности тембра для убедительного выражения эмоционального содержания песен. Вместе с тем на протяжении телепроекта встречались и удачные примеры реинтерпретации, когда подобранный репертуар не только органично ложился на привычный имидж исполнителя, но и откликнулся мироощущению эпохи девяностых (более всего этому соответствовали жизнерадостные хиты ВИА и драматичные песни о судьбе полукриминальных отщепенцев). В конце своего выступления докладчица затронула проблемы, связанные с аранжировкой эстрадных шлягеров. Если в первом выпуске телепроекта возможности синтезаторных тембров и драм-машины оказались крайне скудными в сравнении с изначальной многотембровой оркестровкой музыкальных композиций, то к третьему выпуску современные обработки стали звучать гораздо органичнее, в частности, благодаря привнесению в них «фирменного саунда» конкретных групп и исполнителей.

Во время обсуждения доклада Л.А. Купец подняла вопрос, касающийся потребителя, или аудитории, на которую был рассчитан телевизионный проект, и рейтингов проекта. Докладчица заметила, что в годы трансляции «Старых песен о главном» не существовало ориентации на узкую целевую аудиторию, напротив, проект был рассчитан на широкий круг людей и выпуски по «Первому каналу» смотрели всей семьей. Причем статистические данные показывают, что первые три выпуска смотрели более 50% аудитории. В связи с этим Л.А. Купец сделала предположение и задала очередной вопрос о том, могла ли в целом музыка и в частности телепроект выполнять функцию консолидации общества, когда оно было дезориентировано. К обсуждению этого вопроса подключились остальные коллеги, выражая свое согласие и несогласие (например, Л.Д. Бугаева считает, что проект консолидировал не все общество, исключая, например, любителей рок-музыки или джаза, вкусовые пристрастия которых не вызывали желания смотреть телепроект), однако по итогам обсуждения вопрос остался открытым.

С.Г. Маслинская (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург) открыла серию обсуждений, касающихся детей и педагогики, своим докладом «Магия пионерской символики: советское прошлое в современной детской литературе». Исследовательница обратилась к изучению современной детской литературы в отношении того, как ее авторы представляют юным читателям нормализованное знание о советском прошлом, в частности о пионерской организации Советского Союза. Изучение лексического уровня текстов современной детской литературы показало, что пионерская символика и идеалы интерпретируются авторами детской литературы как идеологически непротиворечивые и лишённые коллективных травматических коннотаций. Докладчица заметила, что сюжетные и жанровые особенности ресайклинга пионерской идиоматики, символики и повседневных ритуальных практик определены степенью «видимости» тех или иных культурных форм в современной культуре. Пионерская идиоматика практически не встречается на страницах современной детской литературы, даже в тех случаях, когда ее можно было бы ожидать в историко-бытовых повестях о советском прошлом при передаче детской речи, в то время как материальные объекты пионерского прошлого – галстук и лагерь, – «следы» которых в виде чердачного хлама или руинированных строений «видимы» по сей день, имеют

более широкий эстетический потенциал и поэтому эксплуатируются не только в историко-бытовых повестях, но и в массовых литературных жанрах – триллерах и детективах.

Реплики из зала касались конкретных сюжетов доклада, так, например, один из вопросов об упоминании скаутского галстука на страницах современной детской литературы, привел к разговору о применении концепции культурного ресайклинга для изучения скаутского движения, в истории которого присутствует явный элемент разрыва.

В докладе «Ресайклинг советского педагогического опыта в современном патриотическом воспитании: случай одного отряда» Ю.А. Секушина (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург) описала опыт применения концепции культурного ресайклинга для осмысления присутствующих в современном патриотическом воспитании элементов советского прошлого. В период разрыва в 1990-е коммунистическая идеология и советская модель патриотического воспитания стали символическим мусором. На материале двух школьных патриотических отрядов докладчица продемонстрировала, что начиная с 2000-х, патриотическое воспитание вновь стало перерабатывать советский педагогический опыт. По словам автора, предметом ресайклинга становится не только сама советская модель военно-патриотического воспитания (в первую очередь брежневской эпохи), но и пионерские и комсомольские практики, а также риторика неофициальных педагогических проектов наподобие коммунарского. Публичные практики анализируемых докладчицей отрядов сохраняют официозность и милитаризованность: школьники занимаются строевой подготовкой, активно участвуют в смотрах строя и песни, их официальные мероприятия посвящены военной тематике и включают ритуалы коммеморации. С другой стороны, отрядная жизнь (которая подразумевает собрания, коллективные походы, помощь пожилым людям села и т.д.) и существующая в ней коммуникативная система ценностей обнаруживают в себе ресайклинг советской педагогической риторики построения коллектива и работы над собой, резонирующей с риторикой коммунаров. Исследовательница уделила внимание и агентам переработки советского прошлого, объясняя, что инициаторами и носителями идей ресайклинга выступают создатели проектов патриотического воспитания – учителя и военные. Опыт последних, полученный в ходе социализации в советских педагогических системах (в качестве и воспитуемых и воспитателей) не дематериализуется, а перерабатывается в новом постсоветском контексте.

Задавая уточняющие вопросы, участники семинара рекомендовали докладчице добавить к уже проанализированному кейсу другой материал, чтобы определить, насколько типичным является описанным в докладе случай.

А.В. Кокорин (ИРЛИ РАН, СПбГУ, ГБОУ гимназия № 642 «Земля и Вселенная», Санкт-Петербург) открыл дневную сессию, продолжив разговор о ресайклинге, школьниках и педагогике, докладом «Как изучать ресайклинг в области школьного литературного образования?». Докладчик обратился к рассмотрению многоаспектной проблемы исследования культурного ресайклинга, связанного с национальным литературным канонам, а также историей и методологией преподавания литературы в советской и российской средней школе. Автор доклада представил результаты первого этапа исследования, связанного со сбором материалов для дальнейшего изучения. В круг источников вошли: методическая литература, посвященная вопросам преподавания литературы в школе (методические записки и указания, монографии и сборники статей, журналы); различные пособия о творчестве отдельных авторов или художественных произведениях и пособия для поступающих в вузы; научные работы, в которых рассматриваются проблема литературного канона и история преподавания литературы в советской школе; учебные пособия и многочисленные нормативные документы

(постановления, стандарты, программы и концепции, списки литературы ЕГЭ) двух эпох — 1917–1991 гг. и настоящего времени, вплоть до будущего 2021 г. Отдельно в рамках доклада были рассмотрены результаты сопоставления содержания Кодификаторов ЕГЭ по литературе за 2007–2020 гг.

Обсуждение доклада началось с вопроса Л.А. Купец о пропорциях литературы советского времени и не советского времени в списках литературы ЕГЭ, что привело к проблематизации самого понятия «советская литература».

Дальнейший разговор касался выбора источников и границ материала, например, В.Ю. Вьюгин задал вопрос о том, можно ли рассмотреть процесс формирования национального литературного канона на материале школьных учебников. А.В. Кокорин заметил, что на начальных этапах исследования его интересует в первую очередь унифицированный государственный уровень, тогда как разные программы обучения в разных школах предполагают различные учебники. Гостья семинара А.А. Сенькина присоединилась к дискуссии о границах материала для данного исследования, отметив, что начальную школу необходимо оставить за рамками, так как она формирует свой собственный канон, влияние на который оказывает фигура учителя.

В своем докладе «Русская Википедия vs. Большая российская энциклопедия: (ре)конструирование советской музыки в постсоветском интернет-пространстве» Л.А. Купец (Петрозаводская консерватория им. А.К. Глазунова, Петрозаводск; ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург) рассмотрела проблему культурного ресайклинга академической музыки советского периода в современных универсальных энциклопедиях, функционирующих в настоящее время для широкой публики в русскоязычном интернет-пространстве. Автор зафиксировала ряд дискуссионных вопросов о феномене «советская музыка» в современной музыкальной науке, которые активно и непосредственно влияют на публичные рецепции о музыке: что такое собственно «советская музыка» и является ли она синонимом «музыка в СССР», существует ли канон «советского композитора» и «советского слушателя» (по аналогии с «советским писателем» и «советским читателем», предложенным Е. Добренко), применимо ли понятие «советский стиль в музыке», как и определение «советский композитор» по отношению к крупнейшим композиторам XX века, жившим в СССР (например, С. Прокофьеву, Д. Шостаковичу, А. Шнитке, Р. Щедрину и др.). По мнению Л.А. Купец, принципиальным отличием между этими энциклопедическими ресурсами стало признание советской музыки как отдельного историко-культурного феномена в «Википедии» и нивелирование/игнорирование его в «БРЭ». Наряду с этим, сравнительный анализ статей о композиторах советского периода, представленный докладчицей, показал ряд закономерностей: активное использование нарративов советской времени без каких-либо изменений наряду с постсоветскими работами; акцентирование маргинальных ранее сфер этого периода («авангардная музыка», «репрессированная музыка»), присвоение либо подмену эпитета «советский» на «русский» либо «российский» в характеристике композиторов и их сочинений; отрицание либо игнорирование понятия «советская музыка» по отношению к композиторам т. н. «первого ряда» – таким как, например, Д. Шостакович и С. Прокофьев. В заключении автор заметила, что в академической музыке культурный ресайклинг советского не столь явственен, как в иных сферах культуры и искусства, и до сих пор идет активное конструирование и трансформация понимания «советской музыки» и «советского в академической музыке».

Первый вопрос А.В. Кокорина к докладу был о том, является ли исключение «советского» из статей общей идеологической позицией «БРЭ», или это специфическая характеристика только музыкальной сферы. Этот вопрос положил начало разговору о том, что наравне с

актуализацией и ресайклингом советского в современном обществе присутствует тенденция оценочного восприятия «советского» как плохого. Последнее в свою очередь приводит к практической реализации идеи о том, что СССР нет и никогда не было, и, соответственно к ресайклингу имперского, дореволюционного. В обсуждении этого вопроса наравне с докладчицей принимали активное участие В.Ю. Вьюгин, Л.Д. Бугаева, С.Г. Маслинская и другие коллеги. Среди выдвинутых ими идей были следующие: подобные механизмы замены «советских» на «российских» и «отечественных» могут распространяться и на советских писателей; тенденция стирания советского существует в искусстве и в филологии, но в музыке легче дистанцировать идеологический пласт от самого звучания.

Н.В. Семенова (СПбГУ, Санкт-Петербург) посвятила свой доклад ««Оптимистическая трагедия»: адаптация и рецепция» анализу постановки пьесы Вс. Вишневского в Александринском театре (2017, реж. В. Рыжаков, драматург А. Волошина). Докладчица упомянула о том, что спектакль рассматривается в категориях постдраматического театра и помещается в контекст предшествующих постановок А. Таирова и Г. Товстоногова, а также демонстрирует работу Аси Волошиной над текстом сценической версии: использование фрагментов первой редакции пьесы Вишневского, трансформация ремарок в диалоги персонажей, принцип коллажа, включение «чужого слова», музыкализация действия. Постановщики акцентировали «внутреннюю музыку» спектакля (Г. Товстоногов, Р. Агамирзян), сделав акцент на ее «цитатности» и узнаваемости. Н.В. Семенова заметила, что отмечаемый критиками хаос текстов был призван отразить хаос революции, так в спектакле «Оптимистическая трагедия. Прощальный бал» возникает идея подвижности границ и оценок. По словам докладчицы, отдельное внимание уделялось позиционированию спектакля в медийном пространстве (интервью режиссера и актеров). В них отразилась имплицитная задача спектакля примирить два типа аудитории – зрителей советского поколения и постсоветского. В заключение доклада, автор резюмирует, что перечисленные факторы привели к возникновению парадоксальной ситуации в восприятии новой «Оптимистической трагедии»: ожидание зрителем канонической версии пьесы и текст Волошиной, близкий по духу экспериментальной драме Вишневского, вступили в конфликт. Восстановление традиции стало интерпретироваться как разрыв с ней.

Доклад Н.В. Семеновой инициировал дискуссию о том, насколько перспективно применение теории культурного ресайклинга в театральных постановках, в ходе обсуждения активно обсуждался вопрос понимания театральной традиции и традиции в принципе, а также категории разрыва в рамках этой традиции.

Тема культурного ресайклинга советского в современной русской литературе была раскрыта в докладе «Ресайклинг советского в прозе Виктора Пелевина» М.Д. Андриановой (СПбГУП, Санкт-Петербург). По мнению исследовательницы, одним из важнейших механизмов ресайклинга в данном случае является вторичная мифологизация уже мифологизированных советской официальной культурой исторических событий или персонажей. В то же время ресайклинг советской литературы в постсоветской – это, в значительной мере ре-ресайклинг, то есть вторичная переработка уже использованных советской культурой классических литературных произведений XIX века. В докладе было выявлено перспективное направление исследования – ресайклинг «производственного» романа в современной литературе, т.к. производственный роман в современности начинает играть роль структурной первоосновы, на которой выстраивается социально-психологический и философский романы, как в свое время греческий любовный роман на многие столетия определил структурную основу романа нового времени. М.Д.

Андреянова определяет производственную тематику и, в частности, жанр «производственного» романа как наиболее актуальное советское наследие, которое подвергается ресайклингу в постсоветской литературе. Автор выделила три типа взаимодействия с этим наследием: сатирическое изображение советского быта, ностальгическая мифологизация, функциональное использование наработанных «производственным» романом элементов сюжета, конфликтов, образов.

Во время обсуждения доклада участники семинара согласились с тем, что рассмотрение ресайклинга «производственного» романа более перспективно на материале современной массовой литературы, по сравнению с современными сериалами.

Заключительным докладом семинара стал доклад Е.Ю. Андреевой (ГРМ, Санкт-Петербург) «Тимур Новиков и «Новые художники». Ресайклинг советского быта», в котором докладчица рассмотрела одну из альтернатив советскому в российской культуре 1980-х. Исследовательница сделала акцент на том, что ленинградская группа «Новые художники» (1982-1987/1991) избрала принципиально иную по отношению к соц-арту и московскому концептуализму стратегию обращения с советской культурной средой и бытом. «Новые» не занимались негативной критикой или ироничной деконструкцией советского. В прямом и переносном смысле они осуществили акт экологического ресайклинга советской среды. «Новые» возродили мультимедийную концепцию русского авангарда, основанную на принципе «всёчества», и предвосхитили формирование мультимедийного искусства XXI века. Их творчество стало настоящим преобразованием позднесоветской жизни (коммунальных квартир, в одной из которых действовала в 1980-1987 годах галерея «Асса», сцены рок-клуба, домашнего театра Эрика Горошевского, выставочных пространств в ленинградских ДК и Дворце молодежи). По словам Е.Ю. Андреевой, «Новые» показали, что «советское сегодня» на самом деле может быть абсолютно свободно от определения «советское». Не будучи членами Союза художников и не имея поэтому возможности приобретать художественные материалы в официальных магазинах, «Новые» преобразили в материалы для творчества огромный массив отходов советского быта и дешевых бытовых предметов. Для «Новых» жизненный мир не делился на мир творчества (мастерскую, выставочный зал) и мир жизни: Олег Котельников расписал фресками на библейские сюжеты стены своей коммунальной кухни. Тимур Новиков в серии «Горизонты» создал новый вид искусства – пейзаж на ткани, в котором орнамент советских тканей преобразован в знаковый язык живописи, понятный каждому зрителю. Докладчица подытожила, что результат демонтажа советской среды и языка (в стихотворениях Олега Котельникова и Вадима Овчинникова) в творчестве «Новых художников» стал не демонстрацией советской энтропии, но победой над этой энтропией.

Обсуждение финального доклада Е.Ю. Андреевой стало частью коллективного подведения итогов семинара, в ходе которого еще раз было отмечено разнообразие представленного материала и проведена ревизия основных установок концепции культурного ресайклинга. Участники семинара пришли к выводу, что в каждом из предложенных исследований заметно наличие если не разрыва с советским прошлым, то, по крайней мере, «обнуление не до конца» (термин С.Г. Маслинской) в период 1990-х годов, что позволяет говорить о применимости теории ресайклинга в каждом отдельном случае, несмотря на различие исследовательских вопросов и анализируемых материалов.